

Уже осеннее тепло боролось с зимней стужей, низкие облака неподвижно висели над стылой землёй, серые рассветы встречались с сумерками, остро не хватало светлых дней. Зима пришла рано, угадав на Дмитровскую неделю: в эти дни на Руси поминают усопших.

На Дмитрия, однако, потеплело, верная примета, всей зиме быть с теплинами. Снег, рано выпав с хмурых небес, больше не таял, с гарантией покрыв землю на добрых полгода.

Перед открытием зимнего сезона на зверя, в канун дня поминовения, позвонил председатель охотничьего общества соседнего района товарищ Пушкин. Трубку поднял старший охотовед Иван Малыхин.

– Петрович, – услышал он старческое придыхание соседа, – что вам звоню-то? Беда у вас: рыси зашли в Лапташинское хозяйство, из песчанских боров. Одного зверя мои ребята добыли, а три ушли к вам. Доглядайте там. Не мне вас

учить – подавят коосулю, больно гоношистые кошки.

О бывшем фронтовом разведчике, опытном охотоведе Иване Малыхине городская газета рассказывала охотно. Он звонил и лично приходил в редакцию, чтобы поговорить о новостях в охраняемых им охотничьих угодьях. Охотно делился мыслями и наблюдениями с молодым корреспондентом, единственным в редакции охотником Толей Шустовым. Их общение переросло в дружбу. Знаток леса, повадок зверей и птиц, Малыхин вёл с читателями открытый разговор о природе, охране угодий от пожаров, браконьеров, чёрных лесорубов. Набрал телефон редакции и после звонка Пушкина.

Выслушав Ивана Петровича и дав согласие участвовать в рейде, Толик положил трубку. Сердце торжествовало, норовя выпрыгнуть из груди. Встреча с природой всегда праздник, а зимний лес чудесная сказка. Поездка в компании со стариками охотниками,

ночёвка на стане, а там жаркая баня, русская печь с полатами, не на комсомольском собрании сидеть или кропать репортажи на тему социалистического соревнования. Сотрудничая с печатным органом, вечерами посещая выпускной класс вечерней школы, он освещал в газете молодёжную тематику и довеском вёл страницу природы. Впрочем, и так бы её вёл, не надо доवेशивать. На предложения охотоведа Малыхина откликался живо, привозя из поездок кучу впечатлений и занимательных снимков к материалам.

В прошлом году, в пору позднего чернотропа, поехали с Петровичем на разведку посмотреть плутавшего в здешних лесах медведя. У путеобходчика Алексея Рубцова, жившего на хуторе близ пригородной деревни Родники, топтыгин разорил пасеку, разворошил ульи. Следом задрал свинью и рядом с хутором, на границе с глухим урочищем, заломал лося, по отросткам рогов трёхлетка.

Судя по отпечаткам лап, накрытых обходчиком ржавыми тазами для показа гостям, зверь был серьёзный. Мужики гадали, не тропой ли предков пришёл и с какой стороны – уральской или сибирской? Что делать ему в заселённом районе, в удалении от таёжной глухомани, в безбрежном берёзовом перелесье? Медведь, судя по высоко разодранной когтями коре на стволе берёзы, был матёрым и чудовищно сильным. Когда ударил первый мороз, и туша лося смёрзлась, превратившись в ледяную глыбу, зверь вырвал из неё заднюю ногу вместе с ляжкой. Необузданная мощь зверя внушала уважение: острым топором кусок мяса не сразу отру-

бишь. Вспахав когтями чугунную землю, непрошенный гость прикрыл добычу сухим, заиндевшим дёрном.

Стоял конец октября, мало-снежный предзимний срок. Озёра опустели. Когда тряслись по болотным кочкам, объезжая недавно созданный заказник Донгузлы, на крыло поднялась туча северной пролётной птицы. Отдыхающих на плёсах уток, не видимых за жёлтым саваном камыша, потревожил гул натруженного двигателя.

– Заказник, – гордо сказал инициатор его создания Иван Петрович, – территория без выстрелов!

Об обитателях заказника сняли научно-популярный фильм. Народ, даже заграничный, увидел его по центральному российскому телевидению. Сестра мамы Толика, живущая в Германии, всплакнула, посмотрев фильм. Слезливыми стали, уехав за кордон...

На охраняемой территории водятся ондатры, есть зайцы, лисы, косули, кабаны. Перевод урочища с тюркского так и звучит – кабан. Сохраняя поголовье зверя, Малыхин настойчиво изводит в заказнике волков и рысей. Чучела одного из волков и матёрой рыси выставлены в городском краеведческом музее. В кабинете Толика висит снимок: Иван Петрович стоит на снегу в валенках, выдавшем виды овчинном полушубке и шапке из непонятного меха, взметнув вверх руку. На взвеси пятнистая, усатая шкура рыси с тёмной полосой по спине, в желто-буром крапе, выше головы охотника. Лапы зверя касаются мёрзлой почвы, затрушенной соломой.

Вёснами в заказнике бесчисленно гнездятся гуси, выбивая перед жатвой спелые хлебные поля.

Управляющие подшефными хозяйствами просят городских охотников приезжать бригадами, чтобы отважить от потравы глумливую птицу. Малыхин в усы улыбается, но стрелков в поля снаряжает, патронами снабжает, транспорт выделяет. При создании заказника гусиный резон был главным! В такие осени охотники спасают хлеб, а в городской торговле наличествует экзотика в виде гусиных тушек в пере и без пера.

В конце октября, вернувшись с охоты на волков, егеря заехали в редакцию, вывели Толика под белы рученьки из кабинета и увезли в ближний березняк, чтобы запечатлеть себя с клыкастыми трофеями. Толик хранит фото с тяжёлым волком на своих плечах. Обиделся парень, попенял Петровичу: почему не взяли на охоту? Двух серых разбойников, добытых в подшефном районе, куда дорога не близкая, отснял в разных ракурсах, как того пожелали мужики.

– Из Октябрьского района соседи звонили, помощь просили, – шибко там волки озоруют, – пояснил Малыхин. – Не серчай, на твой век охоты достанет. Пока же пиши с моего рассказа...

Тревожные вести из подшефного района стали приходить два года назад: волки, ворвавшись в кошару, в течение ночи растерзали 180 овец. Трагедия, к счастью для ночных разбойников, разыгралась летом. В эту пору зелень лесов и глухие болота сослужили волкам добрую службу.

Нынче снова зачастили недобрые вести: в округе шалют волки. Местные охотники, оправдывая свою беспомощность, сетуют на то, что разбойники обосновались в глухом урочище озера Картабыс.

И нет с ними сладу. Участились набеги хищников на Селиткульский заказник: задрали двух лосей, режут косуль, давят зайцев. Хозяйство несёт ощутимый урон. Не гнушается зверьё деревенским угощением: телёнка задерут, овцу утащат, гусей подавят. Лесник Балин с Картабыского кордона сам завыл от досады. В прошлом году волки буквально со следа сняли его паратого гончака. Этим летом поживились семью гусями, а осенью порвали шесть овец. Неделю назад снова пытались учинить разбой, да помешала хозяйка, разбуженная рёвом скотины. Криком прогнала волков.

Охоту устроили по первому снегу. В машине сидели главный охотинспектор области Анатолий Матвеев, охотовед Иван Малыхин, охотинспектор Михаил Рыжков и общественный охотинспектор, начальник станции скорой помощи Николай Белоусов. Километрах в двух от кордона дороги пересекли следы четырёх волков. До двух часов пополудни где шли, где ехали, расшифровывали следы. Серая банда зашла в урочище Бусурма. Обширное урочище, в центре угрюмое, тяжелое болото. В него-то и зашли волки на днёвку.

Всматриваясь в следы, затерявшиеся в унылом, безжизненном кочкарнике, где сама природа удручающе давит на нервы, Иван Малыхин вспомнил одну из последних охот. Жалоба поступила из Шуранкульского заказника Красноармейского района. Тогда повезло Михаилу Рыжкову, застрелившему двух матёрых зверей. Когда к убитым серым разбойникам подвели собак, они отреагировали спокойно. Не только люди, но и собаки стали забывать

о волках. Мало их осталось в лесах Зауралья. Тем не менее отстрел санкционирован законом, особенно при таких вспышках разбоя.

Объехав болото, а это полтора десятка километров, охотники приняли решение идти по следу. Всё, что произошло дальше, оценивается в охотничьей практике как случай редкий. Волки лежали кучно и вскочили, когда от Михаила Рыжкова их разделяло не более двадцати пяти метров. Прозвучали два выстрела, волки метнулись в стороны. Заслав в ствол третий патрон, Рыжков всё же свалил одного зверя. Второй выскочил на Малыхина и после удачного выстрела остался лежать на снегу. Третий пробежал мимо Матвеева, и только густые заросли спасли серому жизнь. Четвёртому, подранку, удалось уйти.

Минутами позже, обсуждая детали охоты и то обстоятельство, почему волки подпустили близко, сошлись во мнении: охотники были обуты в валенки и зашли с подветренной стороны. На недавнюю лежанку наткнулись на выходе из болота. Место вокруг усеяно костями. О недавнем пиршестве напоминала растерзанная, еще недоеденная косуля. И этот факт сочли за третье обстоятельство. Насытившись, звери чутко спали.

Этих двух волков с охотниками и запечатлел Толик в ближнем от города берёзовом колке. Материал со снимками появился на газетной полосе.

Держим курс в Лапташинское хозяйство. Пока собирались в рейд на отстрел рысей, небо

на востоке высветлил алый свет зари. Выскочив за город, где снег заметно белее, выключили фары. Осень, долго огорчавшая нудным дождём, стылой моросью и вязкой грязью, тихо умерла. Другое дело зимушка. Грязи как не бывало. Полевая дорога мёрзлая, упругая, с ядрёным снежным хрустом. Безмолвный лес, кажется, стесняется голого откровения: гнёзда в кронах, дупла в стволах, грибы трутни на комлях, опята-переростки на коре, следы на снегу, всё как на ладони. Солнце всплыло над лесом, снег искрится, играет, слепит яркими бликами.

Пока ехали кромкой поля, наблюдали за тремя мышкующими лисами-огнёвками. Слегка припорошенную колею перебежал, ошалело выкатившись из придорожных кустов, заяц-беляк с кровавым клоком шерсти на боку. Видимо, успел пообщаться с совой, да удачно вырвался из цепких, когтистых лап. Избежав гибели, косою остаток ночи отлёживался на обочине дороги. Поднятый шумом машины, сиганул так, что едва не попал под колеса.

В левом углу поля опуханным островком стоит берёзовый колок, на одной из белокожих красавиц расселись лирохвостые тетерева-петухи. Даже не пытались свернуть с дороги, полюбовались только: в программе рейда добыча зверя и птицы, помимо рысей, не значится. А ну спугнёшь осторожных хищников. Уйдут звери, схоронятся в глухом урочище. Непроходимых падей, болотных хлябей в здешних лесах море разливанное.

Накануне нового года, напустив в устоявшееся тепло клубы морозного пара, порог родительского дома переступил шурин отцовского брата, жившего в сельской местности. Нежданный гость Афанасий навестил в деревне матушку, какую не то родню, поредевшую за последние годы. Обратной дорогой заехал к свояку Михаилу Ивановичу Шустову, живущему с семьёй в шахтёрском посёлке. Мужики родились и выросли в одной деревне, носят одну фамилию, им есть о чём поговорить. Когда в доме гость, полагается накрыть стол, сообразить хлеб-соль, распечатать бутылочку и за неспешной беседой обоюдно выпотрошить друг из друга свежие новости. Потомственный хлебороб, без малого сорока лет, Афанасий Шустов оставил родную деревеньку, устроившись в областном центре сантехником жилищно-коммунальной конторы. Получив служебное жильё, живёт, чинит краны и унитазы, особо не скучая по деревенскому тяглу. Оскудело родовое гнездо людьми, изошёл народ в города, где можно, по примеру Афони, получить в жэковской отрасли служебную квартиру, поработать в конторе десяток лет и оформить жилище в собственность, став обладателем зелёнки. Трудно поверить, но была такая халява. Афанасий этому фокусу научился, за ним земляки потянулись. Брошенная на произвол судьбы деревня обезлюдела. Кто ещё держится за землю, тот живёт натуральным хозяйством. Та же пахота от зари утренней до зари вечерней.

И потекла беседа жадных до разговора, наскучавших по родственному общению мужиков.

– Поклон вам, Миша и Валя, от родни. Слава Богу, живы ишо. И матушка Стеша, и бабушка Авдотья, и друг Егор Чистяков приветы шлют, кланяются. Брат Александр Дмитриевич мясца, рыбки прислал, в снях рюкзак-то стоит, – выпив по первой, крикнув и закусив груздем в сметане, сказал Афанасий, нанизывая на вилку ломтик чесночного сала. Рассмотрев и понюхав закуску, с аппетитом стал жевать.

– У вас, смекаю, кабанчиков-то шахтёры лампой смолят, кипятком шпарят, набело шкуру скоблят. Но возиться надо день-деньской. В деревне технология проще. Помогал нынче Дмитричу, на часы смотрел. Так он, слышь-ка, за три-то с половиной часа трёх кабанчиков разделал, да тёщину корову в придачу. Ткнёт ножом, к перекладине подтянем, – он не смолит, а снимает шкуру. Со спины на палку наворачиваем и стягиваем. Легко идёт, как чулок с ноги моей бабы. Сейчас оброка-то нет, не требуют шкуры в заготконтору сдавать. Так свояк по старинке сдирает. Потроха выпустит, окатит нутро ведром воды – всё!

– И какой в том прок? – возразил отец. – Нет, чтобы забить скотину с умом! Ты посмотри, как соседи немцы со свежатиной управляют. И чисто, и ловко: сало, окорок, колбаса, тушёнка – само собой! Вон сосед Андрей Кайльман развернёт в забое тормозок, мужики носами водят – откуда запах? Так немцев-то в шахте много. Что ни тормозок, запах такой, что язык проглотишь! Я вот думаю, в уральскую глушь их детьми привезли, откуда бы умению взяться? Видать, живут в них гены предков из Фатерляндии!

Толик с другом, поздоровавшись с гостем, ушли в свой кабинет. Отец, видя, как быстро растёт, мужает, тянется к знаниям сын, пожертвовал чуланом. Здесь уютно: кровать, рабочий стол, полка с книгами, лежанка для собаки. Оконце с видом на сад. Сидят, беседуют с другом Саней, средним сыном соседа, известного шахтёра-орденоносца Андрея Адамовича Кайльмана. С Санькой неразлучны с первого класса. Вот и сейчас забежал он к другу, чтобы вместе выполнить задание по алгебре.

Из угла, лёжа на овчинной шкуре, смотрит на друзей собака гончей породы. Хороший пёс: поллазист, добычлив, гонит зверя с подлаем, в работе настойчив и неутомим.

– Санька, ты ноги поджал. Блохи кусают?

Друг распахнул голубые глаза:

– Какие блохи? – Пол у тебя холодный. Ты о чем?

Толик засмеялся.

– Я о блохах! – он посмотрел на пса. – У, шкура, натащил блох в апартамент! Помнишь, Саня, откровения старика Луки в пьесе Горького «На дне». Там строчка есть: «По-моему, ни одна блоха не плоха, все чёрненькие, все прыгают...» Сажу за столом, читаю пьесу, а сам чешусь нога об ногу. Кто, думаю, там грызётся? И осенило: взял со стола настольную лампу, поставил на пол. Опустился на колени, вытянул по полу руки.

Пёс смотрел на Толика, прядая ушами, словно внимал философии пьесы: что там говорят о старце Луке, блохах и о нём, породистом русском гончаке, потерявшем на охоте хозяина и нагло приставшем к чужой компании.

– Жду секунд десять. И вот она, блошка, на моей руке, перламутро-чёрная, прыгает. Выходит, спасибо мудрецу Луке и собаке – познакомили с занятной зверушкой.

Толик помыл гончака в бане, мать протёрла полы в чулане-кабинете с хлоркой. Не стали кусать блохи.

По мере того, как на столе пустела бутылка водки, и весьма сомнительно, что была она первой, разговор мужиков на кухне становился громче, слова ядрёнее, голоса крепки и базили. Толик приоткрыл дверь своей комнатки и долго всматривался в черты лица дальнего родственника. Потом решительно снял с полки фотоальбом, вытянул глянцевую фотографию и шагнул на кухню. Снимок протянул Афанасию. Тот, уставившись на фото, остолбенел:

– Откуда у тебя? Вот же, я тут! Кто фоткал-то, племяш?

– Я снимал, в деревне. В рейд ездили, рысей искали. Вместо рысей вы попались. Положено было запечатлеть браконьеров, протокол составить.

Глядя в растерянное, поглупевшее лицо Афанасия, Толик от души рассмеялся. Да так искренне и громко, что вскочил с лежанки и залаял гончак. Пожалуй, смеяться было грешно, не чужой человек перед ним.

– Как так-то? Мы же это, того – родня?

Толик проглотил смех, нехотя слепил рот, изобразив человека взрослого и серьёзного.

– Я, дядюшка, находился при исполнении. Когда мы с тобой в последний раз виделись? Года четыре назад? Ты на снимке-то в шапке-ушанке, лицо как с большого бодуна – пойдя, узнай тебя!

– Я и был с похмелья. Племяши с утра за зайчишкой собрались, так я с ними увязался. Где пошуметь, покричать, в ладоши похлопать, заодно мозги проветрить. В деревне родные берёзки лечат. И шёл-то без ружья. А вы, значит, меня поймали, упаковали, в деревню привезли. Ну, дорогой родственничек, – спасибо...

Толик с Санькой болтали о чём угодно, только не об алгебре. И внимательно вслушивались в разговор мужиков, рассуждавших о родне и родственных связях.

– Вот, Миша, не узнал меня твой сынишка, плохо мы роднимся, редко видимся...

– И я о том же – плохо! Ведь и ты моего парня в деревне не узнал?

Афанасий вздохнул, замолчал, узрел стоящую в горнице кадку с фикусом и глубокомысленно сказал: – Знаешь, сколько у нас родни? У тебя вон фикус-дерево стоит. Не перечить листьям. Не хватит их, чтобы всю родню вспомнить, поимённо назвать. Да и опадают они, листья-то, гнивают в земле.

– Опадают, – задумчиво сказал хозяин, отец четверых детей, кадровый шахтёр. – Меня дети просят: помоги составить родословную. Чем я помогу? Дед в первую мировую погиб, отец во вторую, бабушку совсем не помню, мать рано умерла. Если и знали что, не успели рассказать. И им самим не успели. Какое там – пятое, седьмое колена?

– Знаешь, Миша, – не забывая о рюмке с вилкой, с потаённой грустью подвёл черту Афанасий, – у нас полдеревни родни, все Шустовы. Сейчас мы городские, – Афоня ткнул себя в грудь, – сменил прописку сельский народ. За границей тоже живут, буржуйский хлеб жуют. А деревня-то скоро в песок

уйдёт, и память забудется. Осталось полторы дюжины дворов, там старики и старухи. На всех две дойные коровы, третью вот Дмитрич забил, осиротил тещу. Ещё как осиротил: отрубил животине голову, ухватил за рога и усадил в снег перед окошком. А за стеклом-то матушка, вся в слезах. Как не плакать, четырнадцать лет бурёнку доила и холила.

– Оно бы, конечно, в архив обратиться, за компьютером посидеть, – продолжил мысль, опрокинув новую порцию напитка, Афанасий. – Хучь бы до пятого колена предков раскопать. Положим, мне, сантехнику, не очень интересно, а ребятам любопытно. А вот сам себе перечу. Почему не интересно? А представить, что время никого не разлучало, что все наши коленцы собрались за одним большим столом, и я всех спрашиваю: а что, родня, дорогие наши предки, расскажите о своём житье-бытье, о семьях своих, детишках ваших? Как жизнь протекала в далёкие ваши годы?

Разговор на кухне шёл своим чередом, и Толик, слушая захмелевших мужиков, во всём, касаемо родового древа, с ними соглашался. Неумолимое время безжалостно съедает прежде многолюдную деревню. Народ кормят агрокомплексы. Еще и на сторону продают. Дотянись-ка до шустовской глуши! Прежде электричество, воду, газ подай. А школа, больница, клуб? Лошадей нет, лошадиная сила сейчас на колёсах. Новую дорогу через болота постелили, но не спасло и это благо. Закрыли школу, кончили деревню.

– Помнишь, Миша, как за трактором на тропе твой «Москвич» до большака тянули?

Трос-то оборвался, а ты с женой Валею и детишками в грязи сидишь, – вспоминает Афанасий. – У Мазаных сараев сплошные болота. Там только посуху. Скоро уйдут старики, и память забудется. Погост за поскотиной – что твоя клубничная поляна, по поясу травой-муравой зарос, выше энтого самого.

Афанасий шоркнул ладонью на уровне расстёгнутой ширинки и заёрзал, неловко её застёгивая.

– Опять же, – внимая Афоне и делаясь мыслью с другом Санькой,

* * *

Планируя ночевать на стане, мужики в избе не задержались, наказав егерю Сидору истопить к вечеру баньку. Сами тихой, сонной дорогой последовали дальше, не забывая глазами сверлить обочину. Поиск рысьих следов не останавливали. День короток, надобно поспевать.

Толик заёрзал на сиденье: в груди тихо обмирало – зимник прямиком катил к родной деревне, а там его всякий знает, и собака, и человек. Подумают: хорошим пареньком был, а сейчас карателем нагринул. И мужики не на праздной прогулке. Следуют маршрутом рейда. У охотинспекторов полномочия строгие.

След зверя заметили на краю лесного массива. Дальше обширное поле, за ним чернеют строения деревушки. Спешились, изучая след. Или след один, или кошки ступают след в след? И был он вчерашним.

Объехать лесной массив, замкнуть кольцо и убедиться, есть ли выход из урёмы, не удалось. Машина шла тяжело, колеса буксовали.

– Говорил тебе, Петя, лыжи

размышлял Толик, – деревушка Шустово веками обживалась, место отчее, родное, намоленное – леса, поля, озёра, и на тебе – пустошь? Мегаполис с семизначным числом жителей всего в ста верстах? Люди о чистой экологии мечтают. Вряд ли дадут деревне умереть...

Теплится в душе парня огонёк надежды: возродится малая родина отца, большого дерева Шустовых. Воспрянет деревушка. Зачем ей пропадать?

брать надо, ты не послушал, – тихим, мягким голосом корит водителя Иван Петрович.

– Поди ж ты, – оправдывается добродушный Петр, – в городе снега мало, здесь, в северной стороне, – много!

Две попытки затянуть петлю вокруг массива, куда поляной утягивал рысий след, успехом не увенчались. Старый внедорожник-буханка буксовал, вязнул в снежных перемётах. Здесь-то и показались на дороге, со стороны деревни, трое путников. За плечами двоих торчали стволы ружей. Застыв в отдалении вешками, потоптавшись в замешательстве, тройка бросилась врассыпную.

– Всё понятно, – спокойно, без нервов и злости, сказал Малыхин, – наши клиенты. Что им с ружьями гулять? Охота ещё не открылась.

Толик совсем загрустил. Не такой ему представлялась встреча с родной деревней. И что подумает родня?

Двоих, бежавших по стерне, настигли быстро, пригласили в машину. С третьим, убежавшим через заснеженную пахо-

ту к Митиному болоту, пришлось повозиться. Жалко внедорожник и его водителя Петра. Сжав железными ладонями баранку, он настойчиво понуждал машину, жёстко прыгавшую по истерзанной плугом пашне. Когда же достиг кромки болота, убежавший от преследователей человек неожиданно исчез. Был и нет, впереди только бело-рыжее болото и высокие кочки, поросшие осокой. Взбешенный гонкой по скованной морозом пахоте, грозившей угробить технику, Пётр остановился, прыгнул на снежную перину и вломился в прибрежные кусты: след беглеца, петля между кочками, неожиданно оборвался. Стоят высокие по грудь кочки, увенчанные метёлками сухой осоки. Дальше следа нет.

Вжавшись в угловое сиденье буханки, нахлобучив на лоб шапку, спрятав за очками глаза, Толик затаился в дальнем углу салона, ожидая развязки истории, в которую так неожиданно влип. В безусых пареньках, хлюпающих носами, он в подтверждение своих опасений узнал деревенскую ребятню, внуков бабушки Стешки и, стало быть, племянников дядьки Афанасия. Подросли ребята, уже и зверя в лесу промышляют. Неспешно, мягким, вкрадчивым голосом, как всегда при общении с задержанными в угодьях браконьерами, с ними беседует Иван Петрович.

Никто в салоне машины не знал, что охотничий участок граничит с бывшим колхозом, а позже отделением совхоза, тоже бывшим, с родовой вотчиной отца, родной деревней Толика. Здесь, среди многочисленной родни, под присмотром дядей, тётей и бабушек он с младшим братом про-

водил летние каникулы, а когда подросли, и зимние тоже. С этой заповедной землёй связаны светлые воспоминания жизни! И что делать? Просить, умолять, чтобы не трогали деревенских ребят, а отпустили с миром? Так не дети уже. Киномеханику Сашке Сумину семнадцать, тракторист Колька Подкорытов на год старше. Выбравшись на охоту без членских билетов, путёвок на отстрел зверя, лицензий на оружие, да в запретное время, знамо дело, рисковали. И вот – попались! В руки городским егерям, стражей природы, мужиков суровых, во всём, что касается охраны угодий, правильных и неподкупных. Не стал Толик просить за своих, потому как бесполезно и неправильно, да и саму эту мысль гнал прочь. Не захотел терять лица в глазах строгого и принципиального охотоведа Малыхина. Были стыд, жалость, сострадание, но не было желания исповедаться, костями лечь за родных, деревенских. Толик понимал: попадись парням косуля, кабан, лось, выстрел без сомнения прозвучит, нарушив лесное безмолвие, оборвав жизнь еще одной беззащитной твари. Затем и пошли в лес. Старики егеря, обнаружив в гильзах, помимо дробы на зайца, картечь и жаканы, зарядам на крупного зверя не удивились.

– Вот, ребята, – не укорял, а мирно беседовал с задержанными Иван Петрович, – спрошу я вас. Почему в Европах зверя богато, а у нас бедно? В войну там всё повыбили, бойцам каша-то в окопах приелась. Уж я это точно знаю. Когда пленных или языка приведём, а когда оленя или ту же косулю притащим. Соскучилась пехота по свежему мясу. У нас нон-

че – ни войны, ни зверя. А лося пошто мало осталось? Потому, как азиаты мы, и нам всё дозволено? Сейчас в Европах-то по лесам не рысачат. Молчите? А вы покумекайте-ка!

Толик слушал вкрадчивый говор егеря и вспоминал поездку к тётке. Это было в немецкой Тюрингии, в деревне Мелленбах, где она жила с семьёй дочери. Благодарный олень, увенчанный ветвистыми рогами, мирно пасся на лужайке, на виду у всех, и оптики не надо. Никто к рогачу не крался с ружьём.

Петр стоял, запорошенный снегом, вертел шеей, зыркал глазами, громко ругался: из болота кочкой торчала его шапка, только не рыжая, а от снега белёсая. След в болоте оборвался, и человек, за которым Пётр настойчиво гнал машину, исчез, словно испарился.

Не простым было знакомое с детства Митино болото. Древнее, надёжно укрытое мхами, оно пружинило под босыми ногами мальцов словно сетка батута. Понимали парнишки, ощупывая берёзовыми шестами ярко-зелёный мох: под периной мха, с красиво цветущей в мае клюквой, таится злоеющая тряси́на. Рискуя увязнуть, настойчиво пробирались до круглого плёса, в котором жадно брали наживку крупные гольяны. Усаживались на сухие кочки и вдосталь рыбалили. Осенью высокие метёлки осоки полегали, сплетались с белокрыльником, стрелолистом, подбелом, прочей болотной травой, образуя над высокими торфяными кочками таинственные галереи. Нырнёшь в одну из них и ползёшь на коленках по мягкому, влажному мху. Ищи – не найдёшь. Бывало, наскучит рыбалка, так ребятня в прят-

ки играет. Зимой те же галереи, извилистые пещеры под снежным покровом, только ещё глуше и таинственнее. Таким нехитрым способом и затаился в Митином болоте Афанасий.

– Эй, мужик, – кричит Петр, пожирая глазами безмолвие снежного болота, – давай выходи, амнистия тебе будет. Греха нет, ты безоружный. В деревню увезём, всё не ногами пёхать.

Продавив снежную шапку поверх сухой осоки, Афанасий неожиданно вырос в трёх метрах от преследователя. Петр вздрогнул: вот так же однажды выскочил из развала ржаной соломы клыкастый кабан.

– Мать твою, выбирайся, айда в машину, – буркнул Петр, приходя в себя от испуга.

Как на грех, на стене баньки бабушки Стеши, срубленной, как и во всех подворьях шустовцев из берёзовых брёвен, висели две заячьи и одна лисья головы. Много лет, сколько помнил себя Толик, на баньке бабки красовались разлапистые лосиные рога. Никому были не нужны, пока по деревне не прокатился скупщик антиквариата: принимал иконы, часы, литье, монеты и рога тоже.

– Вот и доказательство незаконной охоты, – не удивившись трофеям на срубе бани, сказал по-видавший всякого Иван Петрович. – Ещё не перелиняли зайчишки, а вы их в распыл. Придётся дополнить протокол, рублём учить надо!

Во дворе бабушки Стеши свежевал барана её старший сын Егор, понятное дело, тоже родственник. Нет, не за мясом наведалься с племяшами в лес дядька Афанасий. Не за мясом, а за берёзовым опохмелом.

– Где ты там, Толик? Выбирай-

ся из машины, сидишь, как барсук в норе. Иди, сделай кадр, – зазывали мужики. Да и вертаться на стан пора, не выстудилась бы банька?

Выбраться из машины, заснять мордочки зайцев и лисы на срубе баньки, запечатлеть незадачливых охотников и дядьку Афанасия для протокола и на память – не так-то просто. Узнают же, черти! Спасли всё те же очки и надвинутая на лоб шапка-ушанка. Вдобавок прикрывал лицо фотоаппаратом. Слава Богу, остался неузнанным.

На стан, обсуждая события короткого зимнего дня, возвращались в сумерках. Солнце садилось за берёзы, и поля, укрытые белым атласом, окрасились нежно-алым светом.

– Вот так-то по всем деревням, – незлобиво ворчал Малыхин. – Лосей извели, осталось добить косялю. Браконьер у нас страшнее рыси. Вернёмся, ужо, через недельку. Петька, заранее говорю, не забудь погрузить лыжи.

Жаркая, с березовым веником баня, сытое застолье, понятно,

не без выпивки. Майор-политрук войны, председатель горисполкома Лука Козлов, человек занятой, но находивший время для вылазок на природу, с шутками-прибаутками собирал с мужиков символические штрафы за особо яркие образцы ненормативной лексики. Собирали поштучно и оптом. Чаще всех, как водится, уличал мастера спорта по стендовой стрельбе, бывшего фронтowego снайпера Николая Балашова. Привык, понимаете, балагур Николай Семёнович материться: этак беззлобно, но искусно и солёно. Правда, пока не опрокинет стопку-другую, хлёсткие матюки звучат не в каждой фразе.

На топчанах похрапывали уставшие егеря, а сон Толика на полатах всё не шёл. Провалиться в забытье мешали мысли о канувшем в лету деревенском детстве, таинственном, непознанном древе рода Шустовых, сокрытом во мгле забвения.

Не узнала Толика родня, хотя нервов, оставаясь неузнанным, сжёг изрядно. И ладно ли так-то?